

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

УДК 811.161.1'373.21Пушкин

ГУКОВА Лина Николаевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: gukowa@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116**ФОМИНА Людмила Фёдоровна,**кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001**РЕЧЕВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ИМПЛИКАЦИЙ ТОПОНИМА
В ДИСКУРСЕ А. С. ПУШКИНА**

Аннотация. Статья выполнена в рамках когнитивной лингвистики. Топоним рассматривается как свёрнутый, кодированный текст, содержание которого включает большой комплекс компонентов, выявляемых путём парадигматического и синтагматического моделирования. В содержании топонимического концепта имеются как собственно лингвистические, так и когнитивно-семантические компоненты: понятийные, чувственно-образные, аксиологические. Экспликация этих компонентов в художественном дискурсе связана с авторскими интенциями, эстетическими установками и осуществляется избирательно как путём построения номинационных парадигм, так и благодаря совокупности разнотипных характеризующих атрибутивов, совместно формирующих номинативное поле топонимического концепта.

Показано, что сочетание парадигматики и синтагматики в процессе речевой презентации когнитивных импликаций топонима даёт возможность А. С. Пушкину менять ключи характеристики, актуализируя в одних случаях объективные компоненты содержания топонима-концепта, в других — выявляя субъективную авторскую интенцию. Аргументируется положение о том, что топонимы в художественном дискурсе служат не только маркерами дискретизированного пространственного континуума, но являются также инструментом воздействия, средством представления информации в личностной интерпретации и отражения языковой картины мира автора.

Ключевые слова: топоним, номинационная парадигма, синтагматика в речевой презентации топонимического объекта, номинативное поле топонимического концепта, объективные и субъективные компоненты.

Топоним в когнитивном аспекте представляет собою свёрнутый, кодированный текст, содержательные компоненты которого по-разному актуализируются в сознании носителей языка. Но часть из них всегда остаётся в зоне импликации. Способы речевой объективации когнитивных и образно-прагматических импликаций топонима в дискурсе А. С. Пушкина ещё не были предметом исследования, чем и определяется актуальность нашей темы.

Презентация содержательных, образно-прагматических и эстетических компонентов в топонимических номинациях моделируется А. С. Пушкиным как синтагматически, так и парадигматически. Семантическая (номинационная) парадигма топонима формируется из совокупности всех использованных автором именованных данного топонимического объекта. Сюда включается в первую очередь официальное имя географического объекта, которое функционирует в данный период; во-вторых, вводятся известные автору и носителям языка его исторические именованные, сменившиеся на каком-то этапе иными названиями; и, в-третьих, — авторские художественные номинации [6]. А. С. Пушкин искусно использовал потенциал этой модели как в микроконтексте (в одном произведении), так и в макроконтексте — в разных произведениях. Например, в стихотворении «Олегов щит» поэт использует три разные номинации, соотносённые с одним референтом: *Когда же граду Константина С тобой, воинственный варяг, Пришла славянская дружина И развила победы стяг, Тогда во славу Руси ратной, Стрелами греку в стыд и страх, Ты пригвоздил свой щит булатный На цареградских воротах. Настали дни вражды кровавой; Твой путь мы снова обрели. Но днесь, когда мы вновь со славою К Стамбулу грозно притекли, Твой холм потрясса с бранным гулом, И нашу рать перед Стамбулом Твой старый щит остановил* (III, 120). [Все примеры из произведений и писем А. С. Пушкина даём по изданию — 9]. Три разные по времени возникновения топонимические номинации: *град Костантина* — перифраза-дескриптив к номинату *Константинополь* [номинат — термин Т. И. Бытковой; З, с. 28], *цареградские ворота* — в соотношении с именем *Царьград* (древнерусское название *Константинополя*), *Стамбул* — сообщают об исторической глубине топонимического объекта, поворотах его судьбы, а также акцентируют внимание на динамике действительности. Они используются и в разных произведениях А. С. Пушкина, но презентация их в одном стихотворении свидетельствует об авторской ориентационной интенции в отношении топонимов.

Для речевой объективации представлений о *Бессарабии* — исторической области, расположенной в юго-восточной Европе между Чёрным морем, реками Днестром, Прутом и низовьями Дуная, — в разных произведениях А. С. Пушкина используется как номинационная парадигма, включающая, наряду с официальным для того времени собственным именем, пятнадцать перифраз (разных по конкретному актуализованному содержанию), так и синтагматический потенциал, включающий весьма значительный ряд разнообразных атрибутивов [5].

Название *Бессарабия* (рум. *Țara lui Basarab* — 'Земля Басараба') происходит от имени валахского воеводы Басараба I Великого (1289–1352, правил с 1310). По данным «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, в XVI—XVII веках Бессарабией называли часть нынешней Румынии — Валахию с Бабадагской областью по Дунаю. В энциклопедии «Отечественная история» сообщается, что до начала XIX века Бессарабией именовали только южную часть междуречья Прута и Днестра — Буджак. Но после её присоединения в 1812 г. к России название распространилось на всё междуречье Прута и Днестра [1].

Бессарабия — такой топографический объект, который обладает и для поэта, и для читателя значительным когнитивным объёмом. У А. С. Пушкина с Бессарабией были связаны личные (он провёл в Кишинёве 3 года в ссылке: 1820–1823), интеллектуально-исторические (обусловленные стратегическим положением и государственно-историческими перипетиями этой области в русско-турецких отношениях) и эмоциональные впечатления, навеянные судьбой древнеримского поэта Публия Овидия Назона. Великий римлянин ещё в античную эпоху был сослан императором Августом в эту область (предположительно в Томы) и умер здесь, но пребывание его осталось легендой в воспоминаниях населения Бессарабии. Всем этим мотивировано обилие именовании данного топографического объекта, объём его номинационной парадигмы, имена и характеристики других географических объектов, входящих в его семантическое пространство.

Чаще всего в разных произведениях и письмах А. С. Пушкин использует, конечно, официальные номинации географических объектов этого региона: хоронимы *Бессарабия*, *Буджак*; ойконимы *Томы*, *Аккерман*, *Кишинёв*, *Измаил*; гидронимы *Дунай*, *Кагул*, *Прут*. Например. *Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют* (Цыганы, IV, 207). *Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас... Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников* (Примечания к «Цыганам», VII, 20). Но, как показывают наши наблюдения, презентация частотных топонимов со значительным когнитивным объёмом, как правило, сопровождается у А. С. Пушкина конкретизацией расположения топообъекта, включением в описательные номинации признаков рельефа, ландшафта, указаниями на связь с другими объектами дискретизированного пространства. Так, говоря о Бессарабии, поэт сообщает о её расположении на берегах Дуная, о том, что это территория обитания скифов, неосвоенное, дикое пространство, и о том, что эти места для него и Овидия Назона — дальние, пустынные, чуждые края. Так появляются номинации *берега / берега Дуная, Дунайские берега, скифские берега, дикие берега, бессарабская глушь, отдалённая страна, пустынная страна, пустыня мрачная* и др. *Ещё доныне тень Назона Дунайских ищет берегов* (Баратынскому, Из Бессарабии; II, 102). *И жил он (Назон — Л. Г., Л. Ф.) на берегах Дуная, не обижая никого, Людей рассказами пленяя* (Цыганы; IV, 214–215). *И всё несчастный тосковал, Бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальний край вспоминая* (Цыганы; IV, 215). *На скифских берегах переселенец новый, Сын юга, виноград блистает пурпуровый* (К Овидию; II, 69). *Я видел твой корабль играллищем валов И якорь, верженный близ диких берегов* (К Овидию; II, 67). *Овидий, я живу близ тихих берегов, Которым изгнанных отеческих богов Ты некогда принёс и пепел свой оставил* (К Овидию; II, 67).

При этом в описательных номинациях (функциональных онимах, по терминологии В. И. Супруна [13, с. 68.] А. С. Пушкин отражает отношение субъекта речи-мысли к топообъекту. Так, в именовании *отчизна варваров* представлена пушкинская интерпретация восприятия Бессарабии Назоном, включающая сопоставление культур древнего Рима и кочевников, обитавших здесь в античные времена. *Златой Италии роскошный гражданин, В отчизне варваров безвестен и один* (К Овидию; II, 68). А в номинациях *бессарабская глушь, пустынная страна, отдалённая страна, мрачная пустыня* видим отношение Овидия и русского гения к Бессарабии как месту ссылки. *Ты пишешь мне о своих стихотвореньях, а я в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг, не знал об издании книги, которая утешила бы меня в моём уединении* (Письма, 35. Я. Н. Толстому; X, 45). *Здесь, лирой северной пустыни оглашая, Скитался я в те дни, как на берега Дуная Великодушный грек свободу вызывал* (К Овидию; II, 70). *Ты живо впечатлел в моем воображеньи Пустыню мрачную, поэта заточенье* (К Овидию; II, 67).

Некоторые из представленных перифраз являются контекстуально несвободными, они семантизируются только в сочетании с предшествующим или последующим декодером-номинатом — официальным собственным именем. Существенно, однако, то, что каждая номинация выступает как актуализатор определённого кванта объективной или субъективной информации о названном топообъекте.

Кроме того, выявлению компонентов содержания топообъекта способствует и синтагматический способ, включающий комплекс разных по структуре атрибутивов (характеризующих определений) к топониму: эпитетов, приложений, распространённых обособленных согласованных и несогласованных определений, придаточных предложений; в некоторых случаях — самостоятельных эмоционально окрашенных предложений. Так, сложную историческую судьбу Бессарабии и её частей (её принадлежность то Турции, то России) видим в характеризующих определениях *полутурецкая, обрусевшая*, в сообщении о том, что *правил Буджаком паша С высокими башен Аккермана* (Цыганы; IV, 225).

Их (арнаутов — Л. Г., Л. Ф.) можно всегда было видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающих кофейную гущу из маленьких чашечек (Кирджали; VI, 361–362). Ныне в обрусевшей Бессарабии переняли русскую упряжь и русскую телегу (Кирджали; VI, 363).

Синтагматический способ презентации признаков географического объекта позволяет автору представить их чрезвычайно широкий спектр и диалектику. Так, наряду с некоторыми характеристиками негативного плана, отражёнными в перифрастических номинациях Бессарабии, поэт пишет: *Сия пустынная страна Священна для души поэта*: (Баратынскому. Из Бессарабии; II, 102); *Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас; Она Державиным воспета И славой русской полна* (Примечания к «Цыганам»; VII, 20). Синтагматика даёт возможность А. С. Пушкину менять ключи характеристики: в данном случае он переходит от частных объективных и индивидуальных субъективных оценок к признакам общественно-национального содержания. Например, с помощью ряда однородных придаточных определительных частей сложноподчинённого предложения поэт представляет Бессарабию как край, за который между Турцией и Россией шла борьба, в которой русские войска одержали победы, чрезвычайно важные для государства. В этих характеристиках с гордостью неоднократно используется слово *русский* (и как прилагательное, и как существительное в значении 'Россия'), а также государственный символ России — *орёл двуглавый*: *В стране, где долго, долго брани Ужасный гул не умолкал, Где повелительные грани Стамбулу русский указал, Где старый наш орёл двуглавый Ещё шумит минувшей славой, Встречал я посреди степей [...] Телеги мирные цыганов* (Цыганы; Эпилог; IV, 235).

При широком когнитивном подходе в содержание топонима *Бессарабия* включаются в качестве его семантических составляющих также упоминаемые Пушкиным города этой географической области (*Кишинёв, Аккерман, Бендеры, Томы*) и места сражений, вошедшие в историю (крепость *Измаил*, озеро *Кагул*). Их характеристики также моделируются парадигматически и синтагматически, формируя своей совокупностью номинативное поле [8, с. 66] топонима. Так, *Бендеры* представлены как пункт в маршруте Карла XII, бежавшего после поражения под Полтавой, и сообщение о неопределённости места упокоения мятущегося Мазепы: *В стране, где мельниц ряд крылатый Оградой мирной обступил Бендер пустынные раскаты, где бродят буйволы рогаты Вокруг воинственных могил, — Остатки разоренной сени, Три углубленные в земле И жмол поросшие ступени Гласят о шведском короле. [...] И тщетно там пришлец унылый Искал бы гетманской могилы* (Полтава; IV, 304).

Особую позицию среди мест русской воинской славы занимают в Бессарабии город *Измаил* и озеро *Кагул* с впадающей в него рекою *Кагул*, где во время русско-турецкой войны 1768–1774 г. войска под командованием генерала П. А. Румянцева разгромили главные силы турецкой армии (21. 07. 1770) [4, с. 150–151]. В память о сражении при *Кагуле* была отчеканена медаль «За победу при *Кагуле*», а год спустя в Царском Селе был возведен обелиск. Для номинации этих мест, знаковых событий и лиц А. С. Пушкин использует дескриптивные и образные перифразы *Кагульские воды, Кагульские берега; степи Кагула, Перун Кагульских берегов* ('генерал П. А. Румянцева'), памятник *Кагула*.

Однажды близ Кагульских вод Мы чуждый табор повстречали (Цыганы; IV, 226). *Кочуя на степях Кагула, Её, бывало, в зимню ночь Моя певала Маршула* (Цыганы; IV, 219–220). *Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев, Перун Кагульских берегов* (Воспоминания в Царском Селе; III, 156). *С благоговеньем и тоской Объемлю грозный мрамор твой, Кагула памятник надменный* (Элегия; I, 380) *В тени густой угрюмых сосен Воздвигся памятник простой. О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен! И славен родине драгой!* (Воспоминания в Царском Селе; I, 84).

Много внимания в произведениях и письмах А. С. Пушкина уделено *Кишинёву* в связи с тем, что в этом городе прошёл наиболее тяжёлый период южной ссылки поэта. Этим объясняется по преимуществу негативная тональность его характеристики. Поэт характеризует *Кишинёв* как *вертеп* 'перен. — притон' [Словарь языка Пушкина, I], *пустыню, тёмный град, как проклятый город: Вы скучаете в вертепе, где скучал я три года* (Письма, 55. Ф. Ф. Вигелю; X, 68). *Хвалю тебя, о вечный брат! О каменщик почтенный! О Кишинёв! О тёмный град! Лихуй, им просвещенный!* (Генералу Пушкину; II, 57) *Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружский голос* (Письма, 25. Л. С. Пушкину; X, 33). *Проклятый город Кишинёв! Тебя бранить язык устанет* (Из письма к Вигелю; II, 154).

Эмоционально-психологическое восприятие *Кишинёва* представлено А. С. Пушкиным также в бинарной парадигме-сравнении *Содом-Кишинёв*: *Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинёв, где, думаю, будет виц-губернатором* (Письма, 35. П. А. Вяземскому; X, 67). Заметим попутно, что такой способ построения парадигмы-ассоциации используется поэтом неоднократно — и в разных реализациях. Одну из них можно показать следующим примером: *Есть в России город Луга Петербургского округа. Хуже б не было сего городишки на примете, Если б не было на свете Новоржева моего* (Есть в России город Луга; I, 313). Когнитивный признак 'захолустные провинциальные города России пушкинского времени' выявляется в бинарном ряду — путём их сопоставления и включения в одну аксиологическую категорию.

Мы представили здесь отнюдь не полный арсенал способов и средств, с помощью которых конкретизируется содержание топонимов, но привлекли внимание к принципам авторского фокусирования признаков топообъекта и типам их моделирования. Чем более значим географический объект для автора, для народа, для страны, для мировой истории и культуры в целом больше его при-

знаки — от понятийных до определительно-характеризующих и эмоционально-оценочных — каузируют как парадигматические, так и синтагматические связи топонима. Вот, например, как описывает А. С. Пушкин один из эпизодов своего путешествия в Арзрум: *Солнце встало. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни* (Путешествие в Арзрум, гл. 2; VI, 670). Как видим, в пределах небольшого отрезка текста представлены три номинации одного географического объекта, в которых презентованы понятийные (*гора*), чувственно воспринимаемые (*белела, снеговая, двуглавая гора*) и историко-культурные (*библейская гора*) признаки, которые активизируют воображение, эмоциональное состояние и мыслительную деятельность субъекта, связанные с его пресуппозиционной базой. Прежде всего воздействие самого ИМЕНИ — *Арарат: Как сильно действие звуков!* Во-вторых, эмоции и воображение: *Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни*. Всё это чрезвычайно интересно в свете того, что объективно, как показали разыскания исследователей, информация, которую получил А. С. Пушкин от казаков, была неверной: в действительности это была другая гора — Алагёз (Арагац) [2, с. 372], но мы увидели вербализованный сюжет, связанный с топонимом *Арарат*, магию имени, его суггестивную интенцию и прагматический эффект — подлинные переживания рассказчика. Осознание иллюкативной силы онама — «*действие звуков*» на эмоциональную сферу реципиента — представлено А. С. Пушкиным и в других случаях: достаточно вспомнить высказывание, ставшее прецедентным: *Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!* (Евг. Онегин, гл. 7, с. XXXVI; V, 156).

В номинационно-семантической парадигме топонима можно выделить актуализованные компоненты объективного и субъективного содержания. Так, перифразы *Дунайские берега, скифские берега, Кагульские берега, Кагульские воды* актуализируют объективные компоненты содержания топонима-концепта, а номинации *бессарабская глушь, отчизна варваров, пустыня мрачная* — выявляют субъективную авторскую интенцию. Среди компонентов, эксплицированных синтагматически, также есть и те и другие. И при этом один и тот же объект (в зависимости от ситуации и состояния субъекта) получает часто противоположные оценки. Например, о Кишинёве, как уже было показано выше, А. С. Пушкин сначала говорит: *Проклятый город Кишинёв! тебя бранить язык устанет, Содом-Кишинёв*; а после того как получил возможность жить в Одессе, он пишет в письме брату: «...останеся в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль сжала грудь — мне стало жаль покинутых щелей. Приехал в Кишинёв на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и выехав оттуда навсегда, — о Кишиневе я вздохнул» (Письма, 52. Л. С. Пушкину; X, 64). И это естественно для художественного дискурса с его «полифонизмом эмоциональных тонов, отражающих картину мира ..., создаваемую автором» [7, с. 112].

Таким образом, топонимы в художественном дискурсе не только служат маркерами дискретизированного пространственного континуума, (в котором происходят представляемые писателем реальные или вымышленные события), обозначениями объектов восприятия и осмысления, но являются также средством представления информации в личностной интерпретации и мощным инструментом воздействия.

Литература

1. *Бессарабия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бессарабия>. — Заголовок с экрана.
2. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830) / Д. Д. Благой. — М.: Сов. писатель, 1967. — 723 с.
3. *Бытёва Т. И.* Очерки по русской перифрастике: монография / Т. И. Бытёва. — М.: Эллис, 2008. — 303 с.
4. *Гукова Л. Н.* Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: словарь / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.
5. *Гукова Л. Н.* Словарная презентация атрибутивов при топонимах в творчестве А. С. Пушкина / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // *Филологічні дослідження: зб. наук. пр. з нагоди 80-річчя чл.-кор. НАН України, д.ф.н., проф. Ю. О. Карпенка*. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2009. — С. 90–96.
6. *Гукова Л. Н.* Семанτικο-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. — Одеса: Астропринт, 2010. — № 15. — С. 131–138.
7. *Петрова Л. А.* Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография / Л. А. Петрова. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
8. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
9. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1962–1966.
10. *Рудяков А. Н.* Ономастика и функциональные качества имён в художественном тексте / А. Н. Рудяков // *И слово ваше отзовётся: к 80-летию <...> проф. Е. С. Отяна*. — К.: ИД Дм. Бураго, 2012. — С. 504–513.
11. *Словарь русского языка*: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. — М.: Русский язык, 1981–1984.
12. *Словарь языка А. С. Пушкина*: в 4 т. — М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1956–1961.
13. *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.

References

1. *Bessarabiya* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Bessarabiya>. — Zagolovok s ekrana.
2. *Blagoy D. D.* Tvorcheskiy put Pushkina (1826–1830) / D. D. Blagoy. — M.: Sov. pisatel, 1967. — 723 s.
3. *Byteva T. I.* Ocherki po russkoy perifrastike: monografiya / T. I. Byteva. — M.: Elpis, 2008. — 303 s.
4. *Gukova L. N.* Mnogoaspektnaya kharakteristika toponimov v tvorcheskom nasledii A. S. Pushkina: slovar' / L. N. Gukova, L. F. Fomina. — Odessa: Astroprint, 2008. — 392 s.
5. *Gukova L. N.* Slovarnaya prezentatsiya atributivov pri toponimakh v tvorchestve A. S. Pushkina / L. N. Gukova, L. F. Fomina // *Filologichni doslidzhennya: zb. nauk. pr. z nagody 80-richchya chl.-kor. NAN Ukrainy, d.f.n., prof. Yu.O. Karpenka*. — Odessa: ONU im. I. I. Mechnykova, 2009. — S. 90–96.

6. *Gukova L. N. Semantiko-stilisticheskaya paradigma toponima: postanovka voprosa / L. N. Gukova, L. F. Fomina // Mova : naukovo-teoretychnyy chasopys z movoznavstva. — Odesa : Astroprynt, 2010. — № 15. — S. 131–138.*
7. *Petrova L. A. Lingvokognitivnye osnovy khudozhestvennoy kartiny mira: monografiya / L. A. Petrova. — Simferopol : OAO «SGT», 2006. — 284 s.*
8. *Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. — 314 s.*
9. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy : v 10 t. / A. S. Pushkin. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1962–1966.*
10. *Rudyakov A. N. Onomastika i funktsionalnye kachestva imen v khudozhestvennom tekste / A. N. Rudyakov // I slovo vashe otzovetsya : k 80-letiyu <...> prof. Ye. S. Otina. — K.: ID Dm. Burago, 2012. — S. 504–513.*
11. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / gl. red. A. P. Yevgeneva. — M.: Russkiy yazyk, 1981–1984.*
12. *Slovar' yazyka A. S. Pushkina : v 4 t. — M.: Gosizdat. inostr. i nats. slovarey, 1956–1961.*
13. *Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial / V. I. Suprun. — Volgograd : Peremena, 2000. — 172 s.*

Гукова Ліна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: gukowa@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116

Фоміна Людмила Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету
ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001

МОВЛЕННЄВА ОБ'ЄКТИВАЦІЯ КОГНІТИВНИХ ІМПЛІКАЦІЙ ТОПОНІМА В ДИСКУРСІ О. С. ПУШКІНА

Анотація. Стаття виконана у рамках когнітивної лінгвістики. Топонім розглядається як згорнутий, кодований текст, зміст якого включає великий комплекс компонентів, що виявляються шляхом парадигматичного та синтагматичного моделювання. У складі топоконцепту є як власне лінгвістичні, так і когнітивно-семантичні компоненти: поняттєві, чуттєво-образні, аксіологічні. Експлікація цих компонентів у художньому дискурсі пов'язана з авторськими інтенціями, естетичними установками та здійснюється вибірково як шляхом побудови номінаційних парадигм, так і завдяки сукупності різнотипових характеристик атрибутів, що спільно формують номінаційне поле топоконцепту.

Продемонстровано, що сполучення парадигматики і синтагматики у процесі мовленнєвої презентації когнітивних імплікацій топоніма дає змогу О. С. Пушкіну змінювати аспекти характеристики, актуалізуючи в одних випадках об'єктивні компоненти змісту топоніма-концепта, в інших — виявляючи суб'єктивну авторську інтенцію. Аргументується положення про те, що топоніми в художньому дискурсі слугують не лише маркерами дискретизованого просторового континууму, але є також інструментом впливу і засобом подання інформації в особистісній інтерпретації та віддзеркалення мовної картини світу автора.

Ключові слова: топонім, номінаційна парадигма, синтагматика у мовленнєвій презентації топооб'єкта, номінаційне поле топоконцепта, об'єктивні та суб'єктивні компоненти.

Lina N. Gukova,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: gukowa@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116

Lyudmila F. Fomina,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Applied Linguistics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001

SPEECH OBJECTIVATION OF THE TOPONYM COGNITIVE IMPLICATIONS IN A. S. PUSHKIN'S DISCOURSE

Summary. The article is created in the framework of cognitive linguistics. The toponym is regarded as a compressed encoded text, which contains a vast complex of components that are revealed by means of paradigmatic and syntagmatic simulation. A topoconcept contains both linguistic and cognitive-semantic components: conceptual, sensually-artistic, axiological. Explication of these components in the artistic discourse is concerned with the author's intentions, aesthetic mindset and is carried out selectively both by constructing nominative paradigms, and due to the combination of characteristic attributives of different types, altogether shaping the topoconcept nominative field.

It is shown that the combination of paradigmatics and syntagmatics in the process of speech presentation of the toponym cognitive implications gives A. S. Pushkin an opportunity to change the characterization keys, actualizing the objective components of the toponym-concept contents in some cases, and revealing the author's subjective intention in others. An argument is provided that toponyms in the artistic discourse do not only serve as discretized spatial continuum markers, but also as an instrument of influence, a means of presenting information in a personal interpretation and of reflecting the author's linguistic worldview.

Key words: toponym, nominational paradigm, syntagmatics in the speech representation of topo-object, nominational field of the topo-concept, objective and subjective components.

Статтю отримано 9.12.2013 р.